

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДОВОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СИСТЕМНОЙ АРТ-ТЕРАПИИ С ВЕТЕРАНАМИ ВОЙН

Копытин А.И.¹, Лебедев А.А.²

¹ Копытин Александр Иванович

доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии; государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, ул. Ломоносова, 11-13, Санкт-Петербург, 191002, Россия.
Тел.: 8 (812) 572-25-49;

доцент кафедры психотерапии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Кирочная, 41, Санкт-Петербург, 191015, Россия. Тел.: 8 (812) 303-50-50.

E-mail: alkopytin@rambler.ru

² Лебедев Алексей Анатольевич

врач-психотерапевт психотерапевтического отделения; государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Волгоградский областной клинический госпиталь ветеранов войн», ул. Землячки, 82, Волгоград, 400138, Россия. Тел.: 8 (8442) 58-25-18;

преподаватель кафедры общей и клинической психологии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, пл. Павших Борцов, 1, Волгоград, 400008, Россия. Тел.: 8 (8442) 38-50-05.

E-mail: leal34@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится краткое теоретическое обоснование и описание эмпирических результатов применения средового (экологического) подхода в процессе клинической системной арт-терапии с ветеранами войн. Работа проводилась на базе психотерапевтического отделения госпиталя ветеранов войн. Техники средовой арт-терапии использовались на заключительном этапе краткосрочной программы стационарного лечения продолжительностью примерно один месяц. Приводятся и обсуждаются примеры изобразительной деятельности с использованием найденных природных и неприродных объектов и фотографирования среды как видов средовой творческой активности в процессе арт-терапии. Поясняется связь работ с личностными особенностями пациентов и групповой динамикой.

Ключевые слова: арт-терапия; клиническая системная арт-терапия; КСАТ; средовой подход; ветераны войн.

УДК 615.851.82:616.89:355.292

Библиографическая ссылка

Копытин А.И., Лебедев А.А. Использование средового подхода в процессе клинической системной арт-терапии с ветеранами войн // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 7. doi: 10.24411/2219-8245-2018-13070

Поступила в редакцию: 31.12.2017 Прошла рецензирование: 20.04.2018 Опубликовано: 02.06.2018

Введение

Оказание эффективной психотерапевтической помощи ветеранам боевых действий является актуальной задачей, поскольку они занимают особое место в группе лиц повышенного риска развития психогенных нарушений здоровья в результате воздействия стрессовых боевых факторов. Очевидны также трудности последующей реинтеграции участников боевых действий в условия мирной жизни. Боевая

психическая травма в ближайшей и отдаленной перспективе может приводить к целому комплексу проблем и нарушений в физической и эмоциональной сфере, личностном, социальном функционировании ветеранов.

Имеющиеся на сегодняшний день данные, касающиеся оказания психотерапевтической и, в частности, арт-терапевтической помощи ветеранам войн [6; 7; 8; 12; 19] неоднозначны. Остаются недостаточно разработанными вопросы, имеющие отношение к теории и методологии, а также организации арт-терапевтической помощи данной категории лиц. Дополнительного изучения требуют специфика арт-терапии и ее эффекты, связанные с проведением занятий в стационарных условиях, на базе психотерапевтического отделения с относительно короткими сроками лечения и высокой насыщенностью лечебно-диагностическими мероприятиями.

Контингент ветеранов войн традиционно считается трудным или «неудобным» для психотерапии вследствие очень высокого уровня сопротивления, низкой или крайне противоречивой мотивации, своеобразия профессиональной субкультуры, особенностей «мужского менталитета» и ряда других факторов, осложняющих проведение психотерапии. Опыт нашей работы показал, что применение клинической системной арт-психотерапии (КСАТ) [1; 2; 4] на базе психотерапевтического отделения госпиталя ветеранов войн оказывает комплексное терапевтическое воздействие, приводит не только к симптоматическому улучшению состояния, но и положительным личностным изменениям, затрагивающим значимые отношения пациентов (включая самоотношение) и качество жизни.

К подобным результатам мы пришли далеко не сразу, а в результате постепенной модификации и практической «шлифовки» используемой модели. Методические усовершенствования, эмпирически привнесенные нами в практику работы, могут представлять исследовательский и практический интерес. В процессе накопления опыта и оптимизации рабочей технологии мы с интересом обнаружили, что некоторые усовершенствования являются терапевтическим инструментом повышения эффективности арт-психотерапии не только для ветеранов боевого стресса, но и других клиентских категорий.

Одним из усовершенствований, предпринятых в последнее время в процессе проведения клинической системной арт-психотерапии с ветеранами войн, является использование средового (экологического) подхода. Опыт его реализации в условиях психотерапевтического отделения госпиталя ветеранов войн пока невелик, тем не менее, может представлять интерес в силу новизны методического приема, расширяющего возможности терапевтического использования среды, материалов, а также факторов и механизмов лечебно-профилактического воздействия.

Средовый и экологический подходы в арт-терапии.

Методы экотерапии и эко-арт-терапии в работе с ветеранами войн

Средовый подход — это междисциплинарный, метапредметный общеметодологический подход, раскрывающий любые процессы, объекты и явления в разных средах, описывающий влияние факторов среды на функционирование и развитие рассматриваемых системных образований, и наоборот — влияние системных образований на состояние и качество окружающей среды (природной, культурной, техногенной, лечебной, образовательной и др.). Применительно к лечебно-профилактической практике медицины, в частности, такой ее сферы, как охрана психического здоровья, средовый подход чаще всего связан с использованием факторов терапевтической среды [3; 15; 18]. Представления о терапевтической среде охватывают широкий набор факторов, связанных с отношениями между получателями и провайдерами лечебно-профилактических услуг, терапевтическим сообществом, родственниками пациентов, общественными организациями волонтеров, пациентов и их родственников, работой полипрофессиональной бригады специалистов, медицинским и иным оборудованием лечебно-профилактического учреждения. К терапевтической среде

также относятся архитектура и дизайн помещений, искусство, природа и иные факторы, привлекаемые в процессе оказания медицинской помощи. Все они призваны создать атмосферу наибольшего комфорта для получателей и провайдеров услуг и обеспечить оптимальные лечебно-реабилитационные эффекты.

Экологический подход выступает частным аспектом средового подхода. Он связан с изучением влияния человеческой деятельности на природные процессы и среду обитания, а также с воздействием природной среды на состояние и функционирование человека. Экологический подход характеризуется рядом принципиальных отличий, затрагивающих философские (антропологические), ценностные, парадигмальные основы науки. Одним из стимулов развития средового и экологического подходов является ухудшение экологической обстановки вследствие человеческой деятельности и, как следствие, возрастание роли средовых патогенных факторов.

Средовый и экологический подходы в сфере охраны психического здоровья характеризуются направленностью на формирование активной позиции получателей медицинских и психотерапевтических услуг в их отношениях со средой, развитие адаптационных возможностей человека посредством разных видов средовой активности [9]. Лечебно-профилактические программы и психотерапевтические методы, реализуемые на основе средовой активности, могут способствовать сохранению здоровья, повышению эмоционального комфорта и благополучия людей, качества жизни.

Средовый и экологический подходы в сфере охраны психического здоровья основаны на представлениях средовой психологии (*environmental psychology*) [11; 13], экоспсихологии [14; 16; 21] и экологии здоровья (*ecohealth*), тесно связанных с экотерапией. Методы экотерапии разнообразны и предполагают взаимодействие с животными, посадку растений, создание садов (анималотерапия и садотерапия), созерцание природных ландшафтов. К методам экотерапии также относят терапию дикой природой (*deep wilderness therapy/wilderness therapy*), терапевтический метод восстановления среды (*environmental restoration*), метод экологического восприятия, терапию приключениями (*adventure therapy*) и другие. Для экотерапии характерно использование природных зон — садов и парков, ботанических садов, заказников, а также анклавов дикой природы в целях укрепления здоровья.

Отдельную группу экотерапевтических методов составляют методы средовой и экологической арт-терапии [15; 17], основанные на творческом взаимодействии с природной средой с использованием разных видов творческой активности, прежде всего изобразительной деятельности. Данные подходы могут быть связаны с проведением занятий в природной среде, использованием природных материалов и включать разные виды средовой активности, связанные с заботой о природе.

Спектр лечебных методов и форм психосоциальной помощи, основанных на целебном взаимодействии пациентов с природной средой, расширяется. Однако они остаются плохо известными большинству специалистов, занимающихся вопросами психического здоровья. Как отмечает Сопп «многие психотерапевты озабочены необходимостью изменения отношений человека с миром природы и хотели бы затрагивать эту тему в их работе с клиентами, но не знают, как это можно сделать. Нас никто не учил выходить за пределы терапевтического кабинета и как работать с проблемами экологического сознания ни в теории, ни на практике...» [10, p. 163].

Характеристика психотерапевтического отделения госпиталя ветеранов войн

Психотерапевтическое отделение, предназначенное для проведения медико-психологической реабилитации участников боевых действий в различных «горячих» точках. Оно функционирует с 1997 г. в составе государственного бюджетного учреждения здравоохранения — Областного клинического госпиталя ветеранов войн, оказывающего плановую специализированную медицинскую помощь ветеранам Великой

Отечественной войны, различных вооруженных конфликтов, а также другим категориям граждан согласно закону РФ «О ветеранах».

Психотерапевтическое отделение рассчитано на 30 коек, обслуживает все районы г. Волгограда и Волгоградской области. Его основными задачами являются: оказание высококвалифицированной консультативно-диагностической и лечебной психотерапевтической помощи с применением медицинских технологий участникам боевых действий на территории РФ и других государств; лечение психических и неврологических осложнений основного заболевания; осуществление мер по социальному восстановлению участников боевых действий, создание для пациентов отделения психотерапевтической среды с целью их скорейшего выздоровления и реадaptации.

Особенностью данного отделения, как и других психотерапевтических отделений на базе многопрофильных и психиатрических больниц, является проведение интенсивной психотерапии пациентов с хроническими тяжелыми формами невротических расстройств, неврозами и непсихотическими психическими расстройствами на фоне органических заболеваний головного мозга.

Также в отделении проходят лечение пациенты с пограничной патологией, сопровождающейся более выраженными, чем у пациентов психотерапевтических кабинетов поликлиник, психопатологическими нарушениями. Повседневное социальное окружение таких пациентов является условием декомпенсации их тяжелого эмоционального стресса настолько, что это делает чрезвычайно трудной или почти невозможной их амбулаторную психотерапию. В состав психотерапевтического отделения входят: врачи-психотерапевты, врач-психиатр, медицинские психологи, социальный работник, медицинские сестры, санитарки.

Основой для разработки арт-терапевтической помощи ветеранам войн, проходящим лечение на базе психотерапевтического отделения госпиталя, явилась отечественная модель клинической системной арт-терапии. Арт-терапевтическая программа дополнила иные, применяемые в отделении методы лечения, включая психофармакотерапию, физиотерапию, различные формы индивидуальной и групповой психотерапии (в основном, реконструктивная, личностно-ориентированная психотерапия, гипнотерапия, телесно-ориентированная психотерапия, рациональная психотерапия), терапию средой и терапию занятостью.

С учетом ограниченности сроков стационарного лечения (преимущественно одним месяцем) при проведении от трех до пяти групповых сессий в неделю программа включала в среднем 12–14 (до 16) сеансов. В занятиях обычно принимают участие 5–8 человек. Группы на начальном этапе (первые 4-5 занятий) носят полуоткрытый характер, затем состав участников не меняется.

Групповые занятия, как правило, продолжаются от полутора до двух с половиной часов и имеют трехчастную структуру. В ходе работы группе предлагаются такие темы и виды деятельности, которые направлены на снятие напряжения, достижение большей свободы творческого самовыражения (снятие «зажимов»), прояснение и коррекцию отношения пациентов к себе и другим, болезни, прошлому, настоящему и будущему и иным ключевым элементам системы значимых отношений. Кроме того, используются техники, направленные на стимуляцию группового взаимодействия, прояснение и развитие групповых отношений и совершенствование различных навыков (коммуникации, саморегуляции и др.). Выбор тем и техник работы определяется, исходя из оценки состояния группы, этапов и задач лечения, а также мишеней воздействия. Программа занятий разделена на несколько этапов: подготовительный, начальный, переходный, основной и завершающий.

Ниже приводятся примеры использования некоторых видов деятельности, характерных для средового (экологического) подхода, реализуемого в процессе проведения краткосрочной арт-терапевтической программы.

Изобразительная деятельность с использованием найденных объектов как вид творческой активности в рамках средового подхода в арт-терапии

Изобразительная деятельность с использованием найденных объектов предлагалась участникам арт-психотерапевтической группы в течение двух занятий на заключительном отрезке краткосрочной программы продолжительностью около одного месяца. Первоначально в группе было восемь человек, но к моменту проведения занятий с использованием средового подхода в группе осталось пять человек (четверо мужчин и одна женщина). Остальные к этому времени были выписаны из госпиталя.

Предлагая группе новый вид творческой деятельности, связанной с использованием найденных объектов, ведущий планировал создать дополнительные возможности для завершения терапевтического процесса, решения специфических задач, связанных с терминационной фазой терапии, в частности, поддержания перехода участников группы в более открытую среду с проявлением ими большей самостоятельности и активности.

Создание автопортрета на основе найденных объектов

На одном из занятий участники представляли найденные ими природные объекты в качестве своеобразных «автопортретов», передающих особенности их самовосприятия, включая положительные качества образа Я, которые могут рассматриваться как имеющие важное значение на этапе постстационарной адаптации. С целью подготовки участников к данному занятию ведущий пояснил им суть работы и пригласил их заранее найти на территории госпиталя во время прогулок и принести на занятие один или несколько природных или неприродных объектов. Такие объекты могли выбираться, поскольку представляют для них особый интерес либо ассоциируются с личными качествами, отражают их представления о себе.

Участник приготовил для демонстрации два арт-объекта в виде двух камней с отколотыми краями (рис. 1). В обоих арт-объектах участник нашел созвучие со своей личностью по определенным признакам. В первую очередь, ему понравился материал камня, который ассоциируется с надежностью, выносливостью, способностью стойко преодолевать жизненные трудности, испытания, «давление» и стрессы. Биография пациента, длительная история болезни с многочисленными оперативными вмешательствами это объективно подтверждают.

Рис. 1. Автопортрет в виде двух камней с отколотыми краями (с полосатым рисунком и полутонами)

В первом камне, имеющем на боковом сколе естественный рисунок в виде чередования темных и белых полос, приобретающих волнообразную структуру ближе к верхнему краю, он увидел ассоциацию с морем, а в самом камне — с кораблем, способным твердо идти к своей цели. Активную жизненную позицию, неустанный поиск своего предназначения в жизни, несмотря на внешние сложности, препятствия, неизвестность и часто отсутствие надежной почвы под ногами, этот участник считает характерными для себя. При этом он отметил, что если раньше придерживался этого принципа больше интуитивно, то после арт-терапевтических занятий это стало его осознанным убеждением, которое он теперь активно и с большой пользой реализует в жизни не только для самого себя, но и для своих близких, знакомых и даже незнакомых (в различных бытовых ситуациях).

Особенно он подчеркнул значение такого «урока» арт-терапевтических занятий, как гибкость подхода к оценке жизненных ситуаций. Если раньше он воспринимал жизнь в ее различных проявлениях преимущественно контрастно, в виде бескомпромиссных черно-белых оценок, то арт-терапевтические занятия кардинально изменили это отношение. Умение видеть нюансы и полутона жизненных ситуаций, осознавать сложность и многообразие чувств, мотивов человеческого поведения, возможность конструктивного взаимодействия с другими даже при изначально неблагоприятном «раскладе» он считает важным ресурсным приобретением своей личности, помогающим сохранить и укрепить психическое и физическое здоровье, повысить степень удовлетворенности жизнью.

Именно этот момент — полутона и сглаженность переходов при чередовании полос на поверхности бокового скола — и заставил его сразу обратить внимание на камень как на арт-объект, подходящий для создания метафорического автопортрета, а остальные биографические ассоциации появились уже позже, при более тщательном и целенаправленном его исследовании.

Второй камень привлек внимание участника, в первую очередь, сочетанием отчетливой светлой поверхности и темной сердцевины на сколе с промежуточной сероватой зоной с неомогенными включениями в виде различных пятен и полос. Светлое и темное окрашивание в структуре камня участник ассоциировал с позитивными и негативными эмоциями и чувствами. Причем акцент он сделал именно на пространственном распределении условного «градиента» тоновой насыщенности от периферии к центру. Среди различных психологических ассоциаций, рожденных в воображении участника данным феноменом и соотносимых им с собственной личностью, он особенно выделил одну, также связанную с опытом арт-терапевтической работы.

В данном явлении он увидел метафору одной из адаптивных копинг-стратегий или саморегуляции эмоционального состояния. Темная сердцевина камня — это аналог каких-то глубинных, возможно, подсознательных переживаний, имеющих отрицательную модальность и неподвластных непосредственному сознательному контролю. Светлая поверхность — это метафора сознательной части психики, целенаправленно ориентированной на положительные чувства и эмоции, и в то же время она обозначает телесную («поверхностную») часть его личности.

Возможность саморегуляции эмоционального состояния, по его мнению, обусловлена сознательными усилиями, в частности, отвлечением внимания, использованием юмора, или телесными упражнениями (физической нагрузкой, целенаправленной работой над осанкой, мимикой, улыбкой). И в том, и в другом случае для «осветления» внутреннего эмоционального состояния можно целенаправленно идти от поверхностного сознательного или телесного уровня своей личности, как бы от периферии к центру. Предпринимаемые сначала усилия постепенно «прогреют» или «осветлят» внутреннее глубинное состояние. Такой метафорой активного, сознательного и ответственного отношения к своему эмоциональному состоянию как позитивной характеристики своей личности участник подытожил обсуждение данного арт-объекта.

Другой участник принес на занятие поделку в виде краба, изготовленную из нескольких природных материалов и объектов. Как пояснил участник, объект представляет собой сборную композицию из трех разнородных природных элементов — позвоночника кита, кости моржа и оленьих рогов. Основным элементом композиции — вырезанная из кости фигура краба. Именно этот элемент привлек его внимание и явился причиной приобретения участником этой скульптурной композиции на рынке, где он случайно ее увидел и был настолько поражен, что тут же приобрел ее за немалые деньги.

На вопрос, чем так привлекла его эта композиция, участник ответил, что, во-первых, скульптура очень понравилась ему по качеству, но главная причина интереса к ней — это то, что она очень «напомнила ему самого себя». На просьбу ведущего поподробнее рассказать о своих чувствах, связанных с данной работой он кратко пояснил, что с первого взгляда почувствовал «внутреннее созвучие» с ней, ее особую значимость и энергетическую силу. При рассказе пациент заметно воодушевлялся и волновался.

Характеризуя краба, он назвал его «добрым, неторопливым». Краб также «защитник», который надежно защищает свою семью. Под фигурой корпуса краба на площадке, сделанной из позвонка кита, находятся какие-то элементы, которые у участника ассоциируются с его семьей. И еще он крепкий: «Это не то, что рак, его только молотком возьмешь». При этом участник с юмором отметил наличие таких качеств, как неуклюжесть и кажущаяся неповоротливость, которые замечает и у себя самого. Вспомнил, что во время службы в армии эти качества создавали определенные проблемы, в строю всегда был сзади, так как «не попадал в ногу» и портил строй. Однако с сослуживцами складывались хорошие отношения, так как его считали надежным. Даже была кличка «Краб».

В беседу активно включились другие участники с оказанием ему эмоциональной поддержки, вспоминая информацию из СМИ и собственного опыта о различных позитивных характеристиках и интересных особенностях данного вида фауны. Многие внимательно рассматривали, трогали композицию, проявляя к арт-объекту явный и неформальный интерес. А кто-то очень уместно вспомнил одну из работ данного участника («дигитальную историю»), в которой он поведал об одном значимом эпизоде из своего прошлого, связанном с принятием очень серьезного решения в своей жизни.

В «дигитальной истории» шла речь о том, как в сложные «девяностые» годы, когда семья испытывала серьезные материальные трудности в родном городе, он сам принял очень ответственное и неожиданное для многих решение о переезде со всей семьей на новое место жительства в отдаленный дальневосточный регион. Этим необычным поступком он очень удивил знакомых и коллег по работе, которые, несмотря на свою неудовлетворенность жизнью и работой, не смогли пойти на такой рискованный шаг. Время показало, что он оказался полностью прав. Действительно рискуя и переживая сначала, он смог обеспечить семье достойное материальное существование, причем семья действительно окрепла, сплотилась, а он сам хорошо продвинулся по службе (в отличие от многих знакомых). Кроме того, произошло личностное развитие, поскольку он получил там очень богатый и интересный жизненный опыт, связанный с проживанием в новой культурной и экологической среде.

Ко всему прочему, данная композиция из представителей местной фауны для него является еще и мощным ресурсным воспоминанием о различных позитивных эпизодах того периода жизни, а также инструментом повышения самоуважения — «наградой за смелость».

Своим рассказом и демонстрацией участник оказал заметное позитивное влияние на общую групповую атмосферу сплоченности и доверия, а у самого себя в конце группы отметил максимально возможные показатели повышения значений самочувствия, активности и настроения, увязав этот подъем именно с данной техникой.

Создание ассамбляжа в группе на основе найденных объектов и материалов

Создание ассамбляжа (композиции из найденных предметов) на тему «Идеальный остров» сопровождалась непростыми, но в целом конструктивными процессами в групповой динамике, демонстрирующими необходимость чуткого отслеживания ведущим текущей групповой ситуации и его активного вмешательства на определенных этапах работы. С другой стороны, работа показала достаточно высокий уровень саморегулирующейся групповой активности на этом этапе ее развития.

В самом начале занятия неожиданно выяснилось, что уровень технической и психологической подготовки к нему среди участников группы существенно различается, и материал, необходимый для выполнения этого задания, подготовили не все. Это сразу же внесло в психологическую атмосферу группы повышенную напряженность и некоторую растерянность.

Инициативу в развитии темы взяли на себя два участника группы (из числа ее актива). Оба заранее сделали по искусственному человечку из найденной на улице разноцветной проволоки и в начале работы установили их на поверхности стола. Причем один из них был достаточно схематичным (безликим), а второй — в позитивном состоянии, что выражалось наличием у него «лица с улыбкой». Как более «энергетически заряженный» этот персонаж (посредством своего автора) взял на себя лидерские функции и определил характер и цель взаимодействия — движение на коне (камень, ранее позиционируемый этим участником в качестве метафорического автопортрета) навстречу «новым жизненным горизонтам». При этом второму человечку он «вложил в руки» маленький бумажный кораблик, олицетворяющий компас и хранилище ресурсов, необходимых для преодоления препятствий на неизведанном пути.

В этот момент во взаимодействие неожиданно вступил еще один участник, достаточно бесцеремонно отбросивший бумажный кораблик в сторону и вложивший на его место в руки первому персонажу свой «ресурс» — кусочек отшлифованной мраморной плитки, прокомментировав, что она выражает более полезные качества. На возмущение автора кораблика таким отношением и его попытки донести свои переживания он отреагировал достаточно прохладно, а точнее, занял «оборонительную» позицию («Я бы вообще не стал реагировать на такие мелочи»). Чувствовалось, что в данной ситуации для него важнее сохранить за собой «последнее слово», обесценивая переживания другого участника, чем признать свою оплошность в этом взаимодействии.

Затем оба участника, обозначив свои позиции в этой конфликтной ситуации, предпочли ее дальше не развивать, а попытаться сгладить компромиссным решением и побыстрее сменить тему. Компромисс заключался в том, что в руки человечку было вложено копье — орудие активного воздействия «на опасный мир», а «ресурсы» расположились в виде сопровождающего багажа на палубе большого корабля (плитка) и рядом с ним (маленький кораблик).

Творческая инициатива в группе в связи с данным инцидентом, однако, угасла, и возникла напряженная пауза. Атмосфера замешательства усугублялась отсутствием какого-либо изначального и понятного для всех плана действий. Это потребовало от ведущего проявить организационную инициативу, обозначив вероятный вектор дальнейшего развития сюжета истории, обеспечивающий возможность конструктивного взаимодействия и сближения как важной предпосылки развития плодотворной групповой динамики и, в частности, разрешения возникшей напряженности в отношениях двух участников. Подходящей и, как показали дальнейшие события, достаточно конструктивной в этом отношении оказалась тема «Идеального острова».

Участникам группы было предложено «добраться» на имеющемся плавательном средстве, уцелевшем после воображаемого кораблекрушения, до некоего идеального

острова, на котором они могли бы построить жизнь «заново», в соответствии со своими пожеланиями и предпочтениями. Как плавательное средство ведущий предложил использовать тот же камень (ранее, при обсуждении метафорического автопортрета, участник его уже рассматривал в качестве корабля), а как основу для построения острова — принесенный участниками кусок толстой отломанной ветки, который расположил на поверхности стола недалеко от «плавательного средства» со спасшимися пассажирами (олицетворяющими членов группы).

Сценарий был воспринят с интересом, и практически все члены группы постепенно включились в работу по «благоустройству» острова в соответствии со своими представлениями (рис. 2).

Рис. 2. Группа в процессе создания идеального острова

Несмотря на относительно небольшую площадь, работа протекала слаженно и конструктивно. Участники быстро распределили «сферы интересов». Из подручных средств (шишек, камней, проволоки, бумаги и т. д.) быстро организовался остров с растительностью, источником пресной воды, дорогой, мостом, бухтой и прибрежными рифами. В завершение «островной» темы на нем был водружен пиратский флаг с изображением «веселого Роджера».

Однако к «пиратской теме» участники отнеслись по-разному. Например, один из участников сразу активно поддержал этот вариант и переместил «сундук с ресурсами» (кусочек мраморной плитки) с корабля на остров поближе к флагу, обозначив его как пиратский клад. Другой участник категорически возражал против идентификации с пиратами или какого-либо контакта с ними, поскольку это неизбежно будет сопровождаться отрицательными эмоциями и стрессом (вредным воздействием на здоровье), и даже заменил флаг с черепом на восходящее солнце. Остальные участники выразились менее определенно, но общее пожелание выразилось в формуле «пиратов на острове в данное время нет, а клад есть».

Таким образом, в игровом контексте спонтанно произошло моделирование типовой для реальной жизни конфликтной ситуации с борьбой противоположных внутриличностных мотивов — стремлением к безопасности (избеганию напряжения от столкновения со сложными жизненными обстоятельствами, стрессом) и желанием получить награду (удовлетворить свои потребности), что явилось очень полезной темой для психотерапевтической дискуссии. Высказывались и обсуждались различные версии возможного поведения в такой ситуации.

Например, часть вариантов возможного поведения попала под общее метафорическое обозначение «Не так страшен черт как его малюют». Возможно, что пираты окажутся не жестокими «кровожадными отморозками», а беглыми «бунтарями», борцами за «вольницу» во главе с «благородным атаманом» типа Стеньки Разина или другого «Робин Гуда». В этом случае присоединение к такой «команде» для кого-то совпадет с их собственными потребностями. Ведь свое собственное «плавание» они начинали с целью вырваться из старых (надоевших) стереотипов, конструктивно изменить свою жизнь, найти новые горизонты и способы самореализации.

Другими словами, прежде, чем заранее себя хоронить, «умирая от страха», имеет смысл сначала узнать об ожидаемых событиях, которые, может быть, вместо наказания, наоборот, могут оказаться «подарком судьбы» («не было бы счастья, да несчастье помогло»). Во всяком случае, такой вариант развития событий всегда возможен, и надеяться на благоприятный исход событий и делать психологические или реальные шаги ему навстречу всегда полезнее для здоровья и успешности в жизни, чем прогнозировать «пораженческий» сценарий.

Еще один вариант отношения к ситуации схож с вышеописанными, хотя и отличается от него по типу сценария развития событий. Не исключено, что пиратов уже вообще нет в живых. Они могли «погибнуть в сражении», утонуть во время шторма и т.п., и теперь клад достанется путешественникам без всякой конфронтации с его настоящими хозяевами. Поэтому, прежде чем «умирать раньше времени», лучше надеяться на удачу и ориентироваться на благоприятное развитие событий.

Группой предлагался и более деятельностный сценарий. Раз «улыбнулась» такая удача, то нельзя тратить драгоценное время на рассуждения и сомнения. Чтобы не «проворонить» свой счастливый шанс, необходимо действовать, причем чем раньше, тем лучше. Найдя клад, нужно перенести его на свое судно и увезти еще до возможного возвращения пиратов. Кто-то вспомнил в этой связи Юлия Цезаря: «Великие дела делаются или сразу, или никогда».

Высказывались и другие предложения, более или менее удачно соответствующие возможному варианту конструктивного разрешения данной модельной ситуации. Не всегда давая им оценки в плане их адаптационной значимости (с позиции сохранения здоровья), ведущий стремился особенно подчеркнуть сам факт множественности возможных решений, преимущества неожиданных, креативных подходов относительно ригидных и стандартных схем.

Особенностью данного обсуждения было то, что в процессе игры и творчества участники даже не заметили, как перешли от шутливо-развлекательного отношения к моделируемой ситуации к серьезному и глубоко личностному обсуждению вопросов, касающихся их мировоззренческих позиций, ценностно-смысловых ориентиров, системы отношений, характерных стереотипов поведения и других важных психологических вопросов. Ведущему потребовалось лишь «подхватить» эту спонтанно возникшую тенденцию, чтобы затем мягко и ненавязчиво перевести общее обсуждение в русло основных задач психотерапевтического вмешательства, целенаправленно акцентируя внимания на этих вопросах.

Фотографирование природной среды и объектов как вид творческой активности в рамках средового подхода в арт-терапии

В организационном плане техника фотографирования (второй вариант реализации средового подхода в арт-терапии) в наших условиях близка к технике работы с природными объектами (реди-мейдами), хотя есть и некоторые отличия. Обе техники подразумевают подготовительный этап, индивидуальную работу (в условиях группы) и участие в общегрупповом проекте. Однако использование техники фотографирования предполагает также различные дополнительные возможности для самостоятельной работы, в том числе и в домашних условиях (уже после выписки из отделения).

Кроме того, есть и определенные качественные различия между двумя техниками, касающиеся особенностей материала работы, а также характера обсуждения. В фокусе внимания в процессе обсуждения созданных фотографий может оказаться значительно больший объем визуальной информации из «мира природы», чем доступный для непосредственного (телесного) контакта и собирания. Если позволяют временные ресурсы, желательно использование обоих вариантов работы. Рассмотрим применение техники фотографирования в наших условиях более детально.

Подготовительный этап

Подготовительный этап подразумевает, помимо выполнения творческого задания, связанного с фотосъемкой, еще и предварительную работу в теоретическом и мотивационном ключе. Учитывая необычность методики для пациентов, связанную с условиями для творческой работы (более открытая среда, а не кабинет), существенно отличающимися от уже приобретенного опыта, это необходимо для продуктивного выполнения задания. Это отмечали в своих отчетах практически все участники, даже те, кто уже не раз принимал участие в традиционной арт-терапевтической работе. Способы для этого могут использоваться различные.

В нашей работе для лучшего прояснения смысла задания, дополнительной мотивации и подготовительной настройки на творческое отношение к его выполнению хорошо себя зарекомендовал себя вариант, связанный с кратким пересказом или непосредственным зачитыванием начального фрагмента повести Л. Толстого «Хаджи Мурат» и его обсуждением (в зависимости от временных возможностей и групповой атмосферы).

Участникам сообщается, что замысел повести родился у писателя, когда он увидел на поле весь искорёженный и изломанный человеком куст репейника («татарина»), который, однако, «выстоял», не сдался и продолжал бороться за свою жизнь. Своей жизнестойкостью и энергией это куст вызвал восхищение и уважение у писателя, который написал в дневнике, что репей напомнил ему реального человека — Хаджи-Мурата (персонажа Кавказской войны с очень сложной личной и политической биографией). Этот классический текст, на наш взгляд, представляет собой замечательный пример «персонализации» человеком «мира природы» и очень удачно иллюстрирует инструкцию для пациентов в их предстоящем поиске подходящих для фотосъемки объектов.

Кроме того, в этом фрагменте Лев Николаевич очень живописно и увлекательно описывает свой разнообразный сенсорный контакт с естественной природной средой, что, при соответствующем акцентировании внимания участников, может хорошо способствовать появлению нового («свежего») взгляда на привычную природную реальность и существенному повышению интереса к выполнению задания. Ниже представлен фрагмент текста этой повести. Если позволяет время и условия, то полезно зачитать его целиком, не ограничиваясь кратким пересказом его сути и отдельными цитатами.

Содержательно задание формулируется примерно так же, как и для поиска готовых природных предметов и материалов, а точнее, одновременно с ним (во многом — как общее для обоих подходов). Тематически оно подразумевает два варианта работы — поиск чем-то интересных природных объектов (при этом не обязательно наличие какой-либо «психологической подоплеки») и поиск объектов с разного рода «личностным созвучием». В отличие от работы с натуральными арт-объектами, задание, связанное с их фотографированием, обычно не лимитируется жесткими временными рамками. Наоборот, помимо предложения принести изображения к конкретному занятию, рекомендуется взять эту технику на «постоянное вооружение», т.е. рассматривать ее не только «в привязке» к конкретному занятию, арт-терапевтической группе или времени пребывания в госпитале, а вообще обратить ее в «полезную привычку». Как вариант предлагается также возможность рассматривать эту технику в качестве своего рода домашнего задания, которое можно обсудить при повторной госпитализации или амбулаторном посещении госпиталя.

Как показал практический опыт, групповая работа с готовыми фотографиями сводится, в основном, к двум вариантам. Во-первых, к совместному обсуждению фотоизображений, подготовленных отдельными пациентами при их доминирующем участии. Подходящая фотоаппаратура, возможность распечатки изображений или наличие проекционной аппаратуры, а главное — желание, время и активное стремление к подобной деятельности есть не у всех, а только у отдельных, как правило, наиболее мотивированных членов группы, которые и являются главными «поставщиками» визуальной продукции для всего ее состава. Они же, соответственно, оказываются и основными исполнителями («солистами») при ее обсуждении.

Однако при работе с серией этих же изображений в контексте какой-либо общей темы, когда личностное авторское значение фотографий уходит на второй план, а на первый выступает их «универсальное», в том числе символическое содержание, возможен второй вариант обсуждения, предполагающий уже полноценное общегрупповое участие всего группового состава.

Ниже рассмотрим первый вариант на примере фоторабот одного из участников арт-терапевтической группы. Данный пример интересен еще и тем, что в выполнении и комментировании этого задания, осуществленного в самом конце рабочей стадии арт-терапевтического цикла (т.е. при достижении группой максимальной психологической зрелости), в концентрированном виде отразились многие важные выводы и уроки, полученные участниками от его прохождения. Это достаточно интересный материал для психологического анализа, а также для получения определенных представлений о том, как на практике могут реализоваться основные цели и задачи, декларируемые нашей арт-терапевтической программой в начале работы.

Пример группового обсуждения индивидуальной серии работ одного из участников

Получив инструкцию и совершив прогулки с фотоаппаратом по прилегающей к госпиталю территории, один из участников арт-терапевтической группы принес на занятие пакет отпечатанных фотографий в формате А 4. Кроме того, несколько фотографий, созданных ранее, в контексте полученного задания были специально привезены им из дома.

Перед демонстрацией он пояснил, что объекты для фотографирования выбирались им в соответствии с полученной инструкцией (т.е. в плане либо общего интереса, либо личностного созвучия). После этого он начал поочередно выставлять закрепленные на планшетах изображения на специальном стеллаже (так мы обычно поступаем с арт-терапевтической продукцией участников при ее обсуждении), так что в конечном итоге получилась своеобразная авторская выставка фотографических работ.

Каждое изображение сопровождалось его рассказом и пояснениями по поводу выбора объекта, а также в связи с вопросами и комментариями других членов группы или ведущего. Большая часть изображений «мира природы» получилась связанной с различными представителями фауны, а в качестве материала для изображения выступали различные фрагменты древесных стволов и крупных ветвей, в основном спиленные или отломанные их части.

Такую формальную и содержательную направленность выбора арт-объектов, по словам автора, задал первый же сюжет, увиденный им рядом с выходом из госпиталя, — спил (срез) крупной ветви дерева в обрамлении молодых побегов, напоминающий голову оленя с рогами (рис. 3). Как будет показано ниже, этот же сюжет также обозначил общую «психологическую» линию рассмотрения всех арт-объектов, связанных с темой самовосприятия автора, раскрываемой через идентификацию с природными объектами (эко-идентичностью). Своими трактовками и утверждениями в духе позитивного подхода («воинствующего оптимизма»), но уже на новом уровне, он продолжил направление, начатое еще при выполнении предыдущего упражнения, связанного с созданием арт-объектов из природных материалов в арт-терапевтическом кабинете, что можно рассматривать как дальнейшее укреплений позитивного образа Я у пациента.

Рис. 3. Фотография спила дерева, напомнившего пациенту голову оленя

Выбор этого природного объекта первоначально был осуществлен пациентом по критерию привлекательности, т. е. без какой-либо осознанной связи с собственной личностью. Однако, когда при более внимательном рассмотрении обнаружилось, что у этой головы, закрепленной на «неподвижном теле» древесного ствола, есть еще «улыбающиеся губы», восприятие данного образа сразу изменилось и наполнилось для него важным личностным содержанием. Эта деталь придала объекту значительно более сложный и «глубокий» характер — одновременно и «драматический», и «жизнеутверждающий». Получилось, что олень смотрит на мир с улыбкой, позитивно, несмотря на ограничения в своей жизнедеятельности, поскольку голова практически

прикована к неподвижному телу. Именно этот аспект восприятия объекта серьезно затронул участника. Он увидел в этом отношении персонажа к миру сходство со своей собственной судьбой и общей позитивной жизненной позицией, а к самому природному объекту (превращенному им в результате фотосъемки и его восприятия и осмысления в арт-объект) он почувствовал уже неформальный интерес и большое «личностное созвучие».

Дело в том, что в анамнезе болезни пациента был длительный период многочисленных оперативных вмешательств с резкими ограничениями привычного образа жизни и изолированностью от мира. Об этом пациент в группе упомянул очень кратко, сделав основной акцент не на болезненных переживаниях, а на способах их преодоления. Несмотря на все тяготы своего положения, он не позволил отчаянию и пессимизму возобладать в своем душевном состоянии и мироощущении. Даже в самые «черные периоды» своей жизни он стремился не поддаваться унынию, противопоставляя ему активный поиск положительных эмоций, в том числе с помощью разных вариантов общения, использования юмора, физических упражнений и т.д.

Именно такую жизнеутверждающую тенденцию он увидел и в данном арт-объекте, соотнес ее со своими переживаниями и еще больше укрепился в «правильности» своей оптимистической жизненной позиции. Данную трактовку сюжета активно поддержали и другие участники, поскольку она попала «в резонанс» с их собственными жизненными установками, что, помимо терапевтического значения (идентификация с активной жизненной позицией), имело и «технические бонусы» — рост заинтересованности, вовлеченности в совместное обсуждение этого и последующих изображений, а также общее межличностное сближение.

Следующим природным объектом, представленным на фотографии, был древесный пень, внешне напоминающий голову собаки. Участник сделал два фотографических изображения этого объекта. На первом он увидел грустную «собачью морду», смотрящую вверх. Грустный вид ей придавала естественная древесная фактура материала, в которой можно было легко разглядеть «печальный излом бровей», сведенных к средней линии лба в форме «депрессивного домика», и «скулящую пасть». Однако основной интерес данного объекта для участника заключался не в этом образе как таковом, а в возможности изменения эмоционального восприятия при фотографировании его с другого ракурса.

Следующее изображение показывает этот же объект, но снятый с другой позиции. Действительно, вид у «собачьей морды» здесь более «оптимистичный, озорной и игривый», и с этим согласились все участники обсуждения. В этом и заключалась главная мысль автора, которой он хотел проиллюстрировать очень важный урок, полученный им на арт-психотерапевтических занятиях — наше восприятие мира зависит от точки зрения. Нахождение другого ракурса рассмотрения проблемной ситуации может кардинально изменить ее оценку. Данный подход к оценке жизненных ситуаций участник считал всегда характерным для себя, но если раньше делал это эпизодически и больше интуитивно, то теперь он по настоящему укрепился в этой позиции, которая после групповых занятий получила еще и осознанную поддержку. Данный способ отношения к происходящим событиям, к общению и к миру в целом он определяет как своего рода «личный девиз».

Таким образом, в данном случае природные объекты выступили средством выражения определенной личностной позиции в отношении к жизни — гибкой, осознанной, ответственной и позитивной. Применительно к клинической сфере ее можно рассматривать как адаптивную копинг-стратегию, которую в обобщенном виде допустимо сформулировать так: «Не можешь изменить ситуацию — измени к ней отношение».

Рис. 4. Фотография спила дерева, напомнившего пациенту дятла

Следующий природный объект, представленный участником на фотографии, можно рассматривать как эффективный инструмент актуализации и укрепления эко-идентичности. На этот раз в хаотичном нагромождении веток и палок на одном из участков древесного ствола участник разглядел птицу, причем не просто ее обобщенный образ, а еще и конкретно обозначил ее видовую принадлежность — большой пестрый дятел (рис. 4). Как выяснилось из комментариев пациента, произошло это не случайно. Данный представитель пернатых уже давно вызывал у него значительный интерес, а в свете поставленной задачи поиска природного объекта, который мог бы обозначать один из аспектов самовосприятия, он приобрел особое значение. Пациент мог назвать дятла тем самым природным объектом, который ему очень «созвучен душевно» и с которым он находит много общего. В подтверждение этого он продемонстрировал специально привезенную из дома фотографию этой птицы, сделанную еще до начала арт-терапевтической группы (рис. 5).

Рис. 5. Фотография большого пестрого дятла, сделанная пациентом до начала арт-терапевтической группы, выбранная им для обозначения собственных личностных качеств

Рассказывая об истории появления снимка и сложностях его получения из-за высокой чувствительности этой птицы к вниманию окружающих, он дал следующие комментарии относительно фотографии. Дятел — осторожен, обладает очень хорошей интуицией, и его трудно застать врасплох. По этой причине его очень непросто сфотографировать в естественной среде, даже на расстоянии, и снимок живой птицы, который сделал участник после целой серии неудачных попыток, является предметом его особой гордости и большого творческого удовлетворения. Впрочем, не исключено, что дятел его при этом видел, но все равно «позволил» себя сфотографировать, потому что «тоже почувствовал к нему доверие» (по признанию пациента).

Обращаясь далее к обоим изображениям, автор, помимо акцента на собственной интуиции, также перенес на себя такие ее качества этой птицы, как трудолюбие, большую «общественную пользу», причем без «афиширования и саморекламы». Он подчеркнул, что выполняя свою «естественную работу», дятел не просто «лечит» дерево, освобождая его от «вредителей», но и создает дупло — «убежище для других птиц и животных». В этих дуплах они могут «укрыться от непогоды, восстановить силы, создать семью, вывести потомство» и т.д. Т.е. каждодневным и неумолимым трудом дятел приносит много «добра и реальной пользы» в окружающую его среду, не ожидая «специального вознаграждения». Делает это в силу особенностей собственной природы и для удовлетворения собственных потребностей, но оказывается, что при этом «выигрывают все», и это очень созвучно автору фотографий.

Более того, свою собственную важнейшую жизненную задачу он видит в том, чтобы нести своим близким «как можно больше добра», помогать им получать от жизни больше позитива. И даже высокую интуицию автор рассматривает не столько как осторожность (в плане избегания неприятностей), сколько как повышенную чувствительность к чувствам, потребностям и переживаниям других, в первую очередь, близких людей, без чего невозможна эффективная самореализация. С определенных пор (после арт-психотерапевтических занятий) участник совершенно осознанно рассматривает такую альтруистическую позицию как очень полезную и для собственного здоровья, поскольку она является надежным источником положительных эмоций для самого ее обладателя.

Обсуждение и выводы

Обобщая имеющийся небольшой опыт использования средового (экологического) подхода в наших условиях, можно отметить следующее. Изобразительная деятельность с использованием найденных объектов, а также фотосъемка объектов среды как формы индивидуальной и общегрупповой творческой активности в рамках средового подхода в арт-терапии, несмотря их на необычность для пациентов, оказались успешными в разных смыслах слова.

К основным особенностям работы с использованием найденных природных и не природных объектов и фотосъемкой среды можно отнести:

- Нарушение привычного стереотипа работы в связи с выходом за пределы защитной «фасилитирующей» среды.
- Возможность столкновения с «критическим» отношением со стороны других пациентов, не занятых психотерапией или относящихся к ней с предубеждением.
- Большая свобода выбора объектов в связи с «открытой» и недостаточно структурированной (детализированной) инструкцией со всеми разноплановыми последствиями (как помогающими, так и затрудняющими) такой творческой «неопределенности» для пациентов.

Каждый из этих пунктов и само задание в целом имеют плюсы и минусы (помогающие и проблемные аспекты), которые необходимо учитывать в практической организации для достижения оптимального эффекта.

К проблемным аспектам технологии в наших условиях следует отнести: обострение тревоги, растерянности и раздражения перед началом работы, которые в той или иной степени отмечали практически все участники. Например, вот как выразил свое недовольство непонятностью темы один из участников: «У нас на работе каждый день такая «арт-терапия». Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что, а теперь и здесь начинается...». Вероятно, эти обстоятельства повлияли на характер очень неравномерной подготовки участников к заданию, что привело лишь к частичному выполнению запланированного задания (практически только у одного человека были необходимые заготовки) и к последующей переориентации темы.

Однако в процессе работы, с учетом гибкой смены тактики ведущим, практически все отметили интерес и даже неожиданный подъем настроения и, не в последнюю очередь, именно за счет спонтанности и экспромта (особенно это отметил тот участник, который больше всех возмущался «непонятностью» темы).

К плюсам технологии можно отнести значительно более тесный межличностный контакт и взаимодействие при разработке темы (это относится к созданию групповой композиции и истории на основе найденных предметов). Необходимо учитывать степень психологической готовности группы к такому взаимодействию. В частности, конфликт, произошедший в нашей группе между двумя участниками, был продуктивно разрешен во многом благодаря достаточно высокой степени ее психологической зрелости, хотя при этом потребовалось определенное вмешательство ведущего в ход процесса. Это

может свидетельствовать о предпочтительности использования данной технологии на рабочей стадии групповой динамики (во второй половине группового цикла).

Целесообразность ее использования ближе к окончанию группового цикла также имеет и символическое значение. Выход пациентов за пределы арт-терапевтического кабинета для выполнения этой работы служит символическим предвестником завершения «оазисного периода» госпитального существования и началом подготовки пациентов к скорому выходу уже в «реальную жизнь». В определенной степени эта работа выполняет функцию генерализации полученного опыта.

К плюсам методики, отмеченным некоторыми участниками, можно отнести также удовлетворение от прогулки на свежем воздухе, необычность, возможность открытия позитивных эмоций (и ресурсов) «прямо у себя под ногами». При этом игровая деятельность, связанная с взаимодействием со средой и созданием композиций из найденных объектов, может превратиться в психологическую работу достаточно глубокого уровня. В качестве примера, мы, в частности, рассмотрели, как спонтанно возникший во время занятия с арт-объектами игровой сюжет послужил удачным модельным аналогом актуальной жизненной ситуации (в первую очередь, в здоровьесберегающем аспекте), а также хорошим поводом для стимуляции серьезной психотерапевтической дискуссии относительно различных подходов к ее решению, в том числе адаптивных и неадаптивных вариантов.

Кроме того, групповое обсуждение позволило затронуть и прояснить более глубокие темы, касающиеся их общих жизненных позиций, самовосприятия (образа Я), ценностно-смысловых ориентиров, в частности свободы выбора и ответственности человека за принимаемые решения и другие важные вопросы экзистенциально-гуманистического порядка.

Литература

1. Копытин А.И. Системная арт-терапия: теоретическое обоснование, методология применения, лечебно-реабилитационные и дестигматизирующие эффекты: автореф. дис. ... док. мед. наук. – СПб.: Психоневрол. институт им. В.М. Бехтерева, 2010. – 50 с.
2. Копытин А.И. Современная клиническая арт-терапия: учебное пособие. – М.: Когито-Центр, 2015. – 528 с.
3. Копытин А.И. Арт-терапевтическая среда с точки зрения клинического, социального и экологического подходов // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2016. – № 1(36) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru>
4. Копытин А.И., Лебедев А.А. Клиническая системная арт-терапия в работе с ветеранами войн, проходящими лечение в психотерапевтическом отделении // Арт-терапия в России: медицина, образование, социальная сфера / под ред. А.И. Копытина. – СПб.: Скифия-принт, 2017а. – С. 114–142.
5. Копытин А.И., Лебедев А.А. Юмор в рисунках ветеранов войн в ходе клинической системной арт-терапии // Арт-терапия в России: медицина, образование, социальная сфера / под ред. А.И. Копытина. – СПб.: Скифия-принт, 2017б. – С. 143–176.
6. Art and posttraumatic stress: A review of the empirical literature on the therapeutic implications of artwork for war veterans with posttraumatic stress disorder / U. Nanda, H.L.B. Gaydos, K. Hathorn [et al.] // Environment and Behavior. – 2010. – Vol. 42, № 3. – P. 376–390.
7. Art therapy with military populations: History, innovation, and applications / ed. by P. Howie. – New York, NY: Routledge, 2017. – 222 p.
8. Backos A., Mazzeo C. Group therapy and PTSD: Acceptance and commitment. Art therapy groups with Vietnam veterans with PTSD // Art therapy with military populations: History, innovation, and applications / ed. by P. Howie. – New York, NY: Routledge, 2017. – P. 165–176.

9. Burls A. People and green spaces: Promoting public health and mental well-being through eco-therapy // *Journal of Public Mental Health*. – 2007. – Vol. 6, № 3. – P. 24–39.
10. Conn S.A. When the earth hurts, who responds? // *Ecopsychology: restoring the earth, healing the mind* / ed. by T. Roszak, M.E. Gomes, A.D. Kanner. – Berkeley, CA: Counterpoint, 1995. – P. 156–171.
11. De Young R. Environmental psychology overview // *Green organizations: Driving change with IO psychology* / ed. by A.H. Huffman, S.R. Klein. – New York: Routledge, 2013. – P. 17–33.
12. DeLucia J. How the studio and gallery experience benefits military members and their families // *Art therapy with military populations: History, innovation, and applications* / ed. by P. Howie. – New York, NY: Routledge, 2017. – P. 30–40.
13. Doherty T.J. Psychologies of the environment // *Ecopsychology*. – 2011. – Vol. 3, № 1. – P. 75–77.
14. *Ecopsychology: restoring the earth, healing the mind* / ed. by T. Roszak, M.E. Goomes, A.D. Kanner. – San Francisco, CA: Sierra Club Books. – 1995.
15. *Environmental expressive therapies: nature-assisted theory and practice* / ed. by A. Kopytin, M. Rugh. – New York: Routledge, 2017. – 266 p.
16. Fisher A. *Radical ecopsychology: psychology in the service of life*. – New York: State University of New York Press, 2005. – 328 p.
17. *Green Studio: nature and the arts in therapy* / ed. by A. Kopytin, M. Rugh. – New York: Nova Science Publishers, 2016a.
18. Kopytin A. *Green studio: eco-perspective on the therapeutic setting in art therapy* // *Green Studio: nature and the arts in therapy* / ed. by A. Kopytin, M. Rugh. – New York: Nova Science Publishers, 2016b. – P. 3–26.
19. Kopytin A., Lebedev A. *Clinical art psychotherapy with war veterans*. – New York: Nova Science Publishers, 2017. – 157 p.
20. Lobban J. The invisible wound: Veterans' art therapy // *International Journal of Art Therapy: Formerly Inscape*. – 2014. – Vol. 19, № 1. – P. 3–18.
21. Roszak T. *The Voice of the Earth*. – New York: Simon & Schuster, 1992. – 367 p.

Using Environmental Approach in the Process of Clinical Systemic Art Therapy with War Veterans

Kopytin A.I.^{1, 2}

E-mail: alkopytin@rambler.ru

Lebedev A.A.^{3, 4}

E-mail: leal34@yandex.ru

¹ *Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education*
11 Lomonosova str., Saint Petersburg, 191002, Russia
Phone: +7 (812) 572-25-49

² *North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov*
41 Kirochnaya str., Saint Petersburg, 191015, Russia
Phone: +7 (812) 303-50-50

³ *Volgograd Regional Clinical Hospital of War Veterans*
82 Zemlyachki str., Volgograd, 400138, Russia
Phone: +7 (8442) 58-25-18

⁴ *Volgograd State Medical University*
1 Pavshikh Bortsov sq., Volgograd, 400131, Russia
Phone: +7 (8442) 38-50-05

Abstract. The article presents the brief theoretical overview and empirical examples concerning the use of environmental (ecological) approach in the course of clinical systemic art therapy with war veterans. The activities were carried at the psychotherapy department of the hospital for war veterans. Environmental art therapy techniques have been applied on the termination stage of the brief therapeutic program that lasted for about one month. The examples of the artwork with the use of found objects as well as taking photographs of the environment as some forms of environmental creative activity in art therapy have been presented and commented in the context of individual characteristics of patients and group dynamics.

Key words: art therapy; systemic; clinical; environmental; war veterans.

For citation

Kopytin A.I., Lebedev A.A. Using Environmental Approach in the Process of Clinical Systemic Art Therapy with War Veterans. *Med. psihol. Ross.*, 2018, vol. 10, no. 3, p. 7. doi: 10.24411/2219-8245-2018-13070 [in Russian, abstract in English].